Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Новые тенденции в репродуктивном поведении населения

Макаренцева А.О., к.э.н., в.н.с. ИНСАП РАНХиГС, ORCID 0000-0003-0091-7532,
email: makarentseva-ao@ranepa.ru
Середкина Е.А., м.н.с. ИНСАП РАНХиГС, ORCID 0000-0002-9731-2435,
email: seredkina-ea@ranepa.ru

Препринт

Москва 2021

Аннотация

Для разработки эффективной демографической и семейной политики важно понимать особенности репродуктивного поведения и установок молодых поколений, которые во многом определяют текущий уровень и перспективы рождаемости. Исследование нацелено, во-первых, на анализ перспектив бездетности в России, во-вторых, на изучение брачного и репродуктивного поведения, а также репродуктивных установок поколения 1990-х годов рождения. Для достижения этих целей осуществлен обзор зарубежных и отечественных исследований в области брачного и репродуктивного поведения населения, анализ статистических данных, данных выборочных обследований «Человек, семья, общество» за 2020 год и «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» за 2011 год, проводимых ИНСАП РАНХиГС.

Анализ перспектив бездетности показал, что за последние годы во многих странах, в том числе в России, наметилась тенденция к увеличению числа добровольно бездетных людей. Причинами добровольной бездетности могут стать как социальные, экономические, так и личностные факторы. Во многом репродуктивные намерения населения определяются стабильностью экономической обстановки в стране. Часть населения осознанно выбирает добровольную бездетность в качестве жизненной стратегии, другие остаются бездетными из-за недоступности вспомогательных репродуктивных технологий или из-за того, что долго откладывают деторождение.

Поколение 1990-х годов рождения демонстрирует разнообразие матримониального и репродуктивного поведения: прежние модели с относительно ранними браками и рождением детей в одних социальных группах сосуществуют с моделями позднего деторождения и добровольной бездетности – в других. Это поколение отличается по ценностным установкам от предыдущих, ему присуща большая лояльность к бездетности. Внешние обстоятельства молодости поколения нельзя назвать удачными и в краткосрочном периоде уровни рождаемости в нем будут низкими. Вероятно, для поддержки рождаемости в поколении 1990-х годов рождения требуются принципиально новые меры демографической политики.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, репродуктивные установки, брачное поведение, рождаемость, бездетность, поколение 1990-х годов рождения

JEL-коды: J11, J12, J13

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

New trends in reproductive behaviour

Makarentseva A.O., Candidate of Science, Institute for Social Analysis and Forecasting, RANEPA, Leading Researcher, ORCID: 0000-0003-0091-7532,
email: makarentseva-ao@ranepa.ru
Seredkina E.A., Institute for Social Analysis and Forecasting, RANEPA, Junior Researcher, ORCID: 0000-0002-9731-2435,
email: seredkina-ea@ranepa.ru

Working Paper

Moscow 2021

Abstract

To develop an effective demographic and family policy, one has to understand the reproductive behavior features and attitudes of the younger generations. These features largely determine the current and future fertility levels. Firstly, this study aims to analyze the prospects of childlessness in Russia. Secondly, we analyze mating and reproductive behavior as well as the reproductive attitudes of the generation born in the 1990s. We reviewed Russian and foreign literature in the field of mating and reproductive behavior, analyzed statistical data and findings of the representative surveys “Person, Family, Society” (2020), “Generations and Gender Survey” (2011) performed by the RANEPA Institute for Social Analysis and Forecasting. The analysis of the childlessness prospects demonstrates that in many countries, including Russia, a growing number of families choose to be child-free. The reasons for this child-free attitude are numerous. To a large extent, reproductive intentions are determined by the economic stability. To some people, staying child-free is a life strategy; others remain childless because of the lacking access to assisted reproductive technologies or delaying childbirth. The 1990s' generation demonstrates matrimonial and reproductive behavior diversity. Older models of relatively early marriage and childbirth in some social groups coexist with late childbirth and voluntary child-free attitudes in others. The generation has different values when compared to previous ones, including greater tolerance for childlessness. The external factors that affected the development of the 1990s generation can't be called fortunate, and fertility rates will likely remain low in the short run. Fertility support among the 1990s generation would likely require new population policy measures.

Key words: reproductive behavior, reproductive attitudes, matrimonial behavior, fertility, childlessness, 1990s generation

JEL-codes: J11, J12, J13

Содержание

Введение 6
1 Динамика и перспективы бездетности в России и мире 8
2 Брачное и репродуктивное поведение поколения 1990-х г.р. 22
2.1 Численность поколения и его жизненный путь 25
2.2 Матримониальное поведение: от пробных браков к последовательностям союзов? 27
2.3 Репродуктивное поведение поколения 1990-х г.р. 30
Заключение 36
Благодарности 37
Список источников 37

Введение

Исследования репродуктивного поведения населения не теряют своей актуальности. Сегодня она стала еще выше: если ранее ежегодные изменения в рождаемости носили постепенный характер и обусловливались преимущественно каким-либо одним фактором, то сейчас рождаемость вошла в зону высокой волатильности. Это связано с тем, что в настоящий момент на нее одновременно действует сразу несколько сильных факторов:

– В краткосрочной перспективе будет отмечаться негативное влияние эпидемиологического кризиса и связанных с ним социально-экономических последствий;

– В среднесрочной перспективе на рождаемость (измеряемой в общей численности рождений) продолжает влиять неблагоприятная возрастная структура населения;

– В среднесрочной перспективе значительное влияние будут оказывать изменения репродуктивного поведения в молодых поколениях российских мужчин и женщин;

– Дополнительными факторами, которые могут оказывать воздействие на репродуктивное поведение, становятся новые меры поддержки рождаемости.

В совокупности эти факторы определяют динамику календарных показателей рождаемости в ближайшие годы и позволяют давать экспертные оценки ее перспектив.

В обществах с высоким уровнем жизни и приоритетом демократических ценностей принятие решений о деторождении оказалось зажато между повышенными ожиданиями и возросшей неопределенностью [1]. Массово высокие экономические притязания возникли на почве долгих лет относительного экономического благополучия и были значительно усилены вовлечением населения в социальные сети. Рост неопределенности отмечался и в предыдущие годы, но пандемия нового типа коронавируса резко его ускорила.

В целом можно дать следующие обобщения в отношении тенденций рождаемости последнего десятилетия:

– Рост рождаемости, выражаемый в терминах общего числа рождений и суммарного коэффициента рождаемости, сменился спадом. Число родившихся

сокращается с 2016 года. В 2020 году родилось 1 435,8 тысяч детей (снижение за год составило около 3%);

– Огромную роль для общего числа рождений играет структурный фактор, а именно - малочисленность поколений 1990-х годов рождения на пике репродуктивных возрастов;

– К 2020 году продолжала снижаться интенсивность рождений всех порядков, в том числе среди женщин в наиболее репродуктивно активной возрастной группе (25-29 лет);

– Происходят изменения в репродуктивном поведении молодого населения: отмечаются тенденции к откладыванию рождения первенца, росту бездетности.

В 2020 году пандемия не сказалась на текущих показателях рождаемости. Предварительная оценка суммарного коэффициента рождаемости по 2020 году составила 1,489 (в 2019г – 1,504). В России, как и в мире, ожидался негативный эффект пандемии, а именно - снижение числа рождений за счет отложенных беременностей. Однако отсутствие жестких ограничений во вторую и последующие волны пандемии сгладили ее негативный эффект, и предварительные данные по 2021 году не показывают провала числа рождений.

Дальнейшие перспективы рождаемости можно обозначить следующим образом:

– Компенсация отложенных в пандемию рождений при сохранении низкого уровня рождаемости из-за сохранения действия прежних негативных факторов;

– Самая малочисленная когорта (1999 г.р.) достигнет среднего возраста матери при рождении первенца (26 лет) через 4 года, тогда начнется медленный процесс роста численности женщин в пиковых репродуктивных возрастах;

– Возможно позитивное влияние новых мер поддержки рождаемости.

Большое влияние на календарную рождаемость будет оказывать репродуктивное поведение поколения 1990-х годов.

1 Динамика и перспективы бездетности в России и мире

В научной литературе обычно различаются понятия «добровольная» и «непреднамеренная» бездетность [2-6]. Такое разделение объясняется разграничением биологических и других причин бездетности. При этом в некоторых ранних исследованиях незамужних женщин относили к категории «непреднамеренно бездетных» [2, с. 3]. Имеются данные о том, что от 5 до 10% людей каждой когорты остаются бездетными по биологическим причинам [7].

Чтобы ответить на вопрос о перспективах бездетности в России, рассмотрим результаты предыдущих западных и отечественных исследований о масштабах ее распространения и факторах, сопутствующих ее росту.

В западноевропейском обществе упрочивает свои позиции такая жизненная позиция как чайлдфри (childfree), все больше людей становятся добровольно бездетными. В отдельных странах к концу репродуктивного возраста бездетными является треть высокообразованных женщин.

Следует отметить, что «посчитать» количество добровольно бездетных достаточно непросто. Так, данные переписи населения покажут численность всех бездетных людей, вне зависимости от их установок и причин. Чуть более полные сведения можно получить из выборочных обследований (результаты которых могут быть экстраполированы на все население), при условии, что будут заданы вопросы об установках людей, причинах бездетности. Кроме того, для составления более полного представления о добровольно бездетных необходимо включать в выборку обследований не только тех, кто на момент опроса состоит в паре, но и одиноких людей.

В некоторых странах для оценки бездетности исследователи пользуются сразу несколькими источниками данных. Например, во Франции к ним относятся данные переписи населения, официальная регистрация и данные обследований. Использование нескольких источников оправдано тем, что каждый из них может иметь свои ограничения. Например, Регистрационное бюро Франции не регистрирует рождения по их биологическому порядку [8]. Это означает, что данные статистики естественного движения населения не могут предоставить информации об эволюции бездетности. На основе данных выборочных обследований можно оценить полные истории фертильности женщин, однако точная информация об

окончательном количестве и порядке рождений может быть получена только для женщин, завершивших репродуктивный цикл (для определенных возрастных когорт).

Изучение добровольной бездетности осложняет еще и сама деликатность темы. В частности, стоит учитывать влияние социальных норм, поощряющих воспитание детей. Несмотря на то, что за последние десятилетия появились и закрепились разнообразные жизненные стратегии, традиционные представления о семье и о женщине-матери все еще сильны в обществе. Это, в свою очередь, может препятствовать широкому обсуждению темы добровольной бездетности.

Одним из первых авторов, обративших свое внимание на бездетных людей, была канадский социолог Виверс Дж. Э. [9, с. 220]. Начиная с 1970-х годов, в научной литературе появляется термин «childfree» (дословно – «свободные от детей»), применяющийся по отношению к людям, состоящим в союзе или браке, принципиально не желающим иметь детей, несмотря на наличие такой возможности [10]. Исходя из основного мотива бездетности, Виверс выделила две группы людей. К первой она отнесла тех, кто испытывал отвращение к детям вообще и к процессу рождения в частности. Во вторую группу вошли те, кто в первую очередь хотел бы сохранить беззаботность своей жизни (путешествия, развлечения и т.д.), т.е. считающие, что дети могут настолько сильно нарушить их привычный образ жизни, что лучше отказаться от их рождения совсем.

Говоря о социально-экономических характеристиках людей, выбирающих жизненную стратегию «чайлдфри», Исупова О.Г. [10] со ссылкой на исследование Виверс Дж. Э. выделяет следующие:

1) Высокий уровень дохода и образования;
2) Трудовая занятость женщин и её ориентация на карьеру;
3) Атеизм;
4) Состав родительской семьи (либо единственный ребенок в семье, либо старший в многодетной);
5) Отношение к детям.

Несмотря на то, что связь между этими характеристиками и нацеленностью людей не иметь детей была выявлена в ряде исследований, она не была сильной.

Помимо перечисленного, в исследовании Виверс отмечается сильное влияние в паре установок партнера чайлдфри на партнера, не имеющего четкой позиции по поводу рождения ребенка [9]. В результате установки первого будут иметь

решающее значение для существования пары как бездетной. Это подтверждается и в других исследованиях [11].

Некоторые исследователи считают институциональный контекст чрезвычайно важным для формирования репродуктивных установок и называют следующие условия вступления женщин в материнство: стабильность работы и оплаты труда, наличие места проживания, гибкость рабочего графика и др. [12]. Также вышеперечисленные условия являются важными для перехода от жизни в родительской семье к самостоятельной жизни и формированию партнерских отношений. Кроме того, были выявлены различия в обстоятельствах вступления в материнство между женщинами разных стран. В исследовании причин откладывания деторождения среди женщин из Франции, Италии, Испании и Западной Германии наиболее высокая доля добровольно бездетных женщин была выявлена в Западной Германии. Причина кроется в необходимости делать выбор между продолжением карьеры без детей и прерыванием трудовой деятельности (или переходом в статус безработной) после появления ребенка [12].

Другие исследователи утверждают, что для снижения доли бездетных необходимо устранение гендерного разрыва в заработной плате, поскольку такая мера станет мощным инструментом для ограничения «социальной бездетности», вызванной бедностью [13-14]. При этом отмечается, что данный эффект будет более заметен для пар, чем для одиноких матерей и отцов [15].

Отсрочка материнства увеличивает риск бездетности по физиологическим причинам. По сравнению с другими европейскими странами во Франции бездетность является больше редкостью. Однако при рассмотрении доли бездетных женщин в разных когортах исследователи отмечают увеличение числа бездетных женщин в более молодых возрастах [16]. Показано, что половина пар остаются бездетными из-за проблем с бесплодием. По мнению Тулемона Л., с течением времени все больше пар будут сталкиваться с физиологическими проблемами в деторождении из-за тенденции к откладыванию рождения первого ребенка.

К такому же выводу приходят исследователи, изучавшие репродуктивные намерения населения Швеции в возрасте 28-40 лет. По результатам опросов, многие бездетные женщины и мужчины в возрасте 36–40 лет изначально планировали завести ребенка, но не рассчитали свои репродуктивные возможности [17]. Основными причинами бездетности были: отсутствие партнера, проблемы с

бесплодием, устойчивое нежелание иметь детей и приоритетность независимой жизни.

Группа американских исследователей изучала фертильное поведение и бездетность населения США на основе данных Бюро переписи населения 1990 года [13]. Для анализа была отобрана 5% выборка переписи населения, взятая из серии комплексных микроданных. В центре внимания исследователей были две группы женщин в возрасте 45–70 лет, которые либо состояли в браке или были разведены, либо никогда не состояли в браке и уже вышли из репродуктивного возраста. Вся выборка была разделена на категории по уровню образования и среднему количеству лет образования. Результаты исследования показали, что фертильность женщин снижается с увеличением уровня образования как среди замужних, так и среди одиноких женщин. Между уровнем образования и бездетностью выявлена U-образная связь, которая также была характерна как для незамужних, так и для замужних женщин.

Высокий уровень бездетности среди групп населения с низким доходом был выявлен и в более ранних исследованиях. Согласно Макфоллсу Дж., малоимущие слои населения имеют ограниченный доступ к качественным медицинским услугам, чаще имеют плохие условия проживания, более подвержены воздействию неблагоприятных факторов окружающей среды, различным заболеваниям (например, венерическим), риску развития психопатологических проблем, недоеданию и др. [18]. Неблагополучное экономическое положение ограничивает фертильные возможности, поскольку доступ к репродуктивным услугам и технологиям ограничен, а риск неблагополучных абортов повышен.

Боден Т., де ла Круа Д. и Гобби П. выделяют три причины бездетности населения [13, с. 1856]. Первой является «естественное бесплодие», что может коснуться любого человека вне зависимости его социально-экономического статуса. Вторая причина – «социальное бесплодие», которое проявляется в невозможности завести ребенка из-за бедности и невозможности обеспечить благоприятные для детей условия. Избежать бездетности в этом случае возможно, если в паре мужчина либо возьмет экономические издержки воспитания детей на себя, либо откажется от части своего потребления. Третья причина связана с выбором, который делают высокообразованные женщины, не являющиеся бесплодными по своей природе, в пользу карьеры. Женщины из этой группы остаются бездетными, поскольку вынашивание и воспитание ребенка требуют времени, а потому несут риски

снижения или потери трудового дохода и риски для продвижения по карьерной лестнице. Таким образом, U-образная взаимосвязь между бездетностью и образованием матери обусловлена сосуществованием «социального бесплодия» и высоких альтернативных издержек воспитания детей для образованных женщин.

Взаимосвязь между браком и образованием имеет форму перевернутой U-образной кривой, что также связано с высоким уровнем бездетности необразованных и высокообразованных одиноких женщин. Это объясняется тем, что для мужчины менее привлекательно жениться на женщине, которая бедна и нуждается в помощи мужа для продолжения рода. При этом сложно вступить в брак с высокообразованной женщиной, поскольку они менее в этом заинтересованы, а также имеют низкий стимул для рождения детей (высокие альтернативные издержки) [13, с. 1859]. Брак может снизить «социальное бесплодие», так как малообеспеченным женщинам он дает возможность получения ресурсов, необходимых для рождения детей. При этом для высокообразованных женщин брак снижает альтернативные издержки рождения детей, поскольку мужья также помогают в воспитании детей.

Эти же авторы провели исследование воздействия социально-экономического развития страны на фертильность населения на основе данных переписей населения 36 развивающихся стран [19]. Результаты исследования подтвердили, что бездетность связана с уровнем экономического развития страны. В беднейших странах основной причиной бездетности является бедность, а в более развитых странах женщины остаются бездетными главным образом из-за нежелания упустить высокую выгоду от трудового дохода после рождения ребенка.

Авторы разработали методологию, которая позволяет различать причины бездетности женщин. Она основана на оценке структурных параметров экономической модели, в которой и мужчины, и женщины решают, вступать ли в брак и сколько детей иметь. Оценка выполнялась методом моделирования моментов. Эмпирические моменты включали фертильность матерей, уровень бездетности и количество браков. Сравнивая распределение бездетности по ее причинам в 36 рассмотренных странах, было выявлено, что по мере развития страны бездетность, вызванная бедностью, сокращается, однако растет число случаев бездетности, обусловленных новыми возможностями.

Также было показано, что введение всеобщего начального образования в развивающихся странах отрицательно скажется на рождаемости, но вместе с тем

снизит вероятность бездетности из-за бедности. В среднем коэффициенты рождаемости в совокупности могут не снизиться после такого изменения, а в некоторых странах могут и увеличиться.

Для исследования взаимосвязи между бездетностью и средним уровнем фертильности Гобби П. использует модель эндогенной фертильности. Она подразумевает, что люди имеют разные предпочтения относительно деторождения, то есть бездетными являются пары, имеющие наиболее низкие предпочтения рождения ребенка по сравнению, например, с потреблением услуг [14].

По мнению Гобби П., достижение более высокого уровня гендерного равенства на рынке труда, а также сокращение гендерного разрыва в заработной плате могут стать причиной обратной зависимости между бездетностью и фертильностью, поскольку альтернативные издержки от рождения детей в такой ситуации растут, а фертильность матерей снижается [14]. В результате меняется соотношение типов семьи. Примером социально-экономических изменений, отразившихся на уровне рождаемости и бездетности когорт, рожденных в начале прошлого века, является переход к рабочей среде, предоставившей больше возможностей для трудоустройства женщин в США. Примером другого шока, который может привести к такой зависимости, является увеличение стоимости родительской заботы (вследствие, например, роста цен на жилье). Это могло бы объяснить взаимосвязь между бездетностью и фертильностью для когорт, рожденных в период Второй мировой войны.

Причины бездетности различаются для женщин и мужчин – к такому выводу пришли нидерландские исследователи [20]. На основе данных Нидерландского панельного исследования родства (Netherlands Kinship Panel Study), проведенного в 2002–2004 годах, были изучены причины и последствия бездетности для женщин и мужчин. Выборка составила 5062 человека в возрасте 40–79 лет (2867 женщин и 2195 мужчин). Результаты показали, что вероятность остаться бездетными определяют уровень образования, профессия и семейное положение, при этом их вклад в бездетность женщин и мужчин различается.

Для женщин каждый дополнительный уровень образования увеличивает вероятность остаться бездетной на 14% [20, с. 872]. Наличие постоянной работы в 1,3 раза повышает вероятность бездетности для женщин, но позитивно сказывается на шансах вступления в отцовство (на 36% снижается вероятность остаться бездетными). Каждый дополнительный год без партнера повышает риски

бездетности для женщин на 15%, для мужчин – на 17%. Отсутствие партнера увеличивает риски остаться бездетными примерно в 7 раз для женщин и в 11,5 раз для мужчин. Отсутствие партнера и наличие нескольких отношений являются сильными детерминантами бездетности, особенно среди мужчин. Возраст вступления в первый брак существенно не влияет на вероятность женщин или мужчин остаться бездетными.

Исследование различий, касающихся разных аспектов жизни бездетных мужчин, мужчин-отцов и состоящих в отношениях мужчин, базировалось на данных Нидерландского панельного исследования родства [21]. Данные обследования были собраны с помощью автоматизированных личных интервью, дополненных анкетами для самостоятельного заполнения. В выборку вошли мужчины в возрасте 40–59 лет.

При рассмотрении характеристик (личный досуг, уровень образования, занятость, показатели здоровья, контакты со своими родителями и т. д.) бездетных мужчин и мужчин, имеющих детей, было выявлено несколько отличий. Например, бездетные мужчины реже контактировали с соседями по сравнению с мужчинами-отцами. Мужчины, состоящие в неофициальном партнерстве, были менее вовлечены в жизнь своего сообщества, чем женатые мужчины. Мужчины с опытом распада партнерских отношений также были менее вовлечены в свое сообщество, по сравнению с теми, у кого такого опыта не было.

Кроме того, бездетные мужчины сообщали о более низком уровне здоровья по сравнению с мужчинами-отцами. Они чаще одиноки и чаще переживают распад отношений, что может негативно сказываться на уровне их здоровья. Бездетные мужчины также имели более низкий уровень дохода и меньшее количество рабочих часов в неделю по сравнению с мужчинами-отцами [21]. По сравнению с браком, сожительство и особенно отсутствие партнера были связаны с более низким уровнем дохода у мужчин.

Исследование добровольной бездетности женщин в Великобритании основывалось на результатах анкетирования о репродуктивных намерениях женщин [22]. Из 266 заполнивших анкету женщин 33 респондентки определили себя как бездетных и заявили о своем намерении сохранить этот статус (возрастной диапазон составил 18–50 лет), из них 25 согласились на интервью. Вопросы были ориентированы на выявление причин выбора стратегии добровольной бездетности и ее значения для женщин.

Свое решение о бездетности женщины часто описывали как сложное и компромиссное, для многих это был выбор, сделанный под давлением жизненных обстоятельств. Среди факторов, повлиявших на их выбор, отмечались следующие: бесплодие, наличие психических заболеваний, распад брака, необходимость заботиться о престарелых родителях и др. Некоторые женщины заявили, что в их жизни никогда не возникало обстоятельств, в которых они хотели бы завести ребенка. Вариативность причин выбора стратегии добровольной бездетности показывает не только сложность рассматриваемого феномена, но и необходимость его более детального изучения. Решение остаться бездетными для некоторых женщин может возникнуть в результате другого жизненного выбора, например в пользу карьеры, здоровья, заботы о близких родственниках. При этом такая жизненная стратегия также связана с предполагаемыми преимуществами бездетного образа жизни.

В результате исследования тенденций бездетности в европейских странах среди женщин 1900–1972 гг. рождений, Соботка Т. приходит к выводу, что в рассмотренный период существовал целый набор институциональных влияний [23]. Вероятность бездетности повышается из-за трудностей или вовсе невозможности совмещения трудовой деятельности с обязанностями по уходу и воспитанию детей. Также к этой группе факторов относятся негибкие условия труда, максимальная продолжительность рабочего дня и отсутствие помощи в уходе за ребенком со стороны партнера. Как отмечалось ранее, особенно часто в таких условиях бездетными остаются высокообразованные женщины. Такая ситуация характерна для стран с высокой стоимостью ухода за детьми – Германии, Испании, в некоторой степени Великобритании.

Кроме того, уровень бездетности растет в странах с неблагоприятными условиями на рынке труда – высоким уровнем безработицы, распространенностью занятости на временной работе, и при этом с ограниченными возможностями для повышения уровня образования. В таких нестабильных условиях многие пары откладывают или отказываются от рождения детей, в том числе из-за невозможности улучшить свое материальное положение, недоступности жилья, необходимого для создания семьи. Такие условия до недавнего времени были характерны для стран южной Европы, а в настоящее время они распространены и во многих бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы.

Существует высокая степень исторической и культурной преемственности в уровнях бездетности [24]. Можно предположить, что те страны, в которых бездетность была распространена в прошлом, вероятно, будут иметь высокие показатели бездетности в будущем. Другим культурным фактором, влияющим на распространение добровольной бездетности, является низкая степень религиозности общества [25-26].

В 1980-х годах 5–10% супружеских пар в Великобритании оставались бездетными. Преднамеренную бездетность исследовали разными способами, например, был проведен анкетный опрос замужних женщин с целью выявления причин их нежелания иметь детей [27]. Всех респонденток условно можно разделить на четыре группы. Первая – женщины старше детородного возраста, которые сознательно не родили детей. Вторая – женщины детородного возраста, имеющие твердое намерение не иметь детей. В третью группу попали женщины, которые окончательно не были уверены в своих репродуктивных планах. В четвертую – те, кто собирались завести детей, но позже. Все опрошенные женщины состояли в браке. Общая выборка составила 255 респонденток.

Нельзя сказать, что выборка исследования была демографически и социально репрезентативна для населения в целом. Возраст женщин находился в диапазоне от 18 до 62 лет, при этом 40% из них были в возрасте 28–32 лет. И женщины, и их мужья имели высокий уровень образования, подавляющее большинство женщин (82%) были трудоустроены, при этом 67% работали полный рабочий день. Многие женщины и их супруги имели статусные профессии, при этом 45% мужей занимали управленческие должности. 20% респонденток были учительницами [27].

Результаты опроса показали, что одной из основных причин, по которой замужние женщины придерживались решения не иметь детей, заключалась в том, что свобода представляла для них одну из важнейших ценностей. Под свободой понималась возможность сохранить гибкий образ жизни, не лишенный спонтанности, а также отсутствие ответственности за воспитание детей.

Чуть больше половины женщин указали, что для них также важна возможность продолжить карьеру, причем больше внимания этому уделяли более молодые женщины. Среди других факторов, повлиявших на репродуктивные установки, была неприязнь к детям, а также возможное негативное воздействие наличия детей на их отношения с мужьями. Небольшая часть женщин назвали

причиной озабоченность глобальными проблемами (перенаселенность, ухудшение экологической обстановки и социальных стандартов).

Значимую, однако не решающую роль в откладывании или же вовсе отказе от деторождения играли экономические факторы. Так, 41% женщин заявили, что на их репродуктивные намерения повлияла стоимость жизни. Особенно сильно этот фактор повлиял на тех, кто намеревался родить ребенка позже, а также на тех, у кого не было четких планов относительно деторождения. Среди респонденток, которые в какой-то момент хотели иметь детей, 70% отложили рождение ребенка именно по экономическим причинам [27]. Но среди с твердой установкой на бездетность лишь треть назвали стоимость жизни в качестве фактора, повлиявшего на их решение. Таким образом, экономические факторы лишь в некоторых случаях повлекли за собой решение полностью отказаться от деторождения.

Большинство опрошенных женщин считали, что в том, чтобы остаться бездетными нет ничего плохого. При этом часть замужних женщин назвали следующие возможные негативные последствия их преднамеренной бездетности: возможное одиночество и отсутствие поддержки в пожилом возрасте; чувство отклонения от нормы. Некоторые женщины считали, что дети представляют собой своеобразную форму защиты в старости, при этом акцент делался именно на эмоциональной, а не экономической безопасности. Женщины также упоминали о том, что в результате отказа от деторождения, они чувствуют себя изолированными от общества, в котором многие люди ориентированы на создание семьи и рождение детей. Также упоминалось об экономической и социальной дискриминации вследствие отсутствия детей, которая проявлялась в системе налогообложения, процедуре приема на работу и продвижении по службе (так как работодатели ожидали, что женщины могут уйти в декретный отпуск).

Одной из наиболее благополучных европейских стран по уровню рождаемости является Франция. В этой стране самая низкая в Западной Европе доля бездетных людей [28]. По данным опросов 2010 года о желаемом количестве детей лишь небольшая доля женщин (3%) и мужчин (5% опрошенных) заявила, что они не хотели бы иметь детей совсем, основной причиной стало «желание сохранить свободу» [29]. По мнению исследователей, во многом это объясняется щедрой системой государственных семейных пособий, а также широкой сетью доступных населению учреждений ухода за детьми. Французская система нацелена на обеспечение возможности совмещать семейную и трудовую жизнь. При этом

отмечается, что все же наблюдаются изменения в доле бездетных. Особенно сильно различия видны между возрастными когортами – в более молодых возрастах доля бездетных увеличивается вне зависимости от уровня образования и профессионального статуса. На данном этапе нельзя дать однозначного ответа, является ли это устойчивой тенденцией или же вызвано отложенным деторождением, поскольку возраст женщины при первых родах повышается.

Одна из причин более высокого уровня бездетности среди мужчин, чем среди женщин – проблема измерения количества детей у мужчин [28]. Другой причиной может быть дисбаланс на партнерском рынке. Семейный/партнерский статус становится решающим параметром. Мужчины и женщины, никогда не состоявшие в официальном или неофициальном союзе, гораздо чаще остаются бездетными.

Несмотря на благоприятные условия для создания семьи во Франции, позволяющие женщинам совмещать работу и семейную жизнь, риск остаться бездетными выше у высокообразованных женщин, даже с учетом того, что они с большей вероятностью состоят в браке. В том возрасте, когда многие создают семьи, женщины, получающие высшее образование, продолжают учиться или пробуют строить карьеру. При этом чем старше они становятся, тем более вероятно, что их первоначальное желание иметь детей (если таковое имелось), может в перспективе превратиться в бездетность в силу физиологических причин или будет оставлено в пользу других целей.

Для мужчин различия в показателях бездетности в зависимости от уровня образования менее выражены. Однако мужчины с низкой квалификацией по сравнению с высокообразованными мужчинами с большей вероятностью останутся холостыми, и, следовательно, бездетными. Это объясняется нестабильным статусом их занятости и/или низким уровнем дохода. Результаты исследований подтверждают, что нестабильная экономическая ситуация приводит мужчин к откладыванию создания семьи, что может привести к бездетности [30-32]. Решение молодых людей об откладывании рождения первого ребенка (которое может стать причиной бездетности) также может укрепить нестабильная экономическая ситуация, а именно высокий уровень безработицы, рост числа рабочих мест с неполной занятостью и экономический спрос на домохозяйства с двумя работниками [28, с.90].

Часть исследователей полагает, что пронаталистское давление общества, то есть давление в пользу деторождения неодинаково действует на разные социальные

группы, при этом допуская, что есть определенные среды, поддерживающие добровольную бездетность [33].

К такому же выводу приходят Баум Ф. и Коп Д., установившие в ходе своего исследования, что на женщин, проживающих в небольших городах и сельской местности, оказывалось большее давление в пользу деторождения, чем на жительниц более крупных городов [27, с. 296]. При этом на тех замужних женщин, кто придерживался жизненной стратегии добровольной бездетности, оказывалось наиболее сильное давление. Как правило, пик такого общественного давления приходится на временной интервал в несколько лет после заключения брака, после чего оно постепенно снижается. Причины снижения объясняются тем, что вероятно, люди склонны признавать неэффективность давления или же могут предположить, что пара является бесплодной.

Хаускнефт Ш. отмечает, что социальная поддержка помогает смягчить давление и последствия санкций со стороны той части общества, которая является несогласной с выбранной индивидом позицией. Те, кто одобряет бездетность, позволяют человеку сохранять его позитивную идентичность посредством создания поддерживающей среды, идентификации и взаимодействия [33, с. 289]. Это относится к концепции референтной группы, которая учитывает важность групп, оказывающих наибольшее влияние на решение человека о деторождении, возможность применения этими группами санкций и вариантов поддержки решения человека остаться бездетным. При этом подразумевается, что добровольно бездетный человек, вероятно, принадлежит к группам, в которых нормативный диапазон фертильного поведения включает такой вариант как бездетность. Таким образом, наиболее важно, получают ли добровольно бездетные люди поддержку хотя бы от некоторых своих референтных групп, а не то, подвергаются ли они неформальным санкциям со стороны групп, мнение которых для них незначимо при принятии решения о деторождении.

В отечественной литературе встречается немного исследований, посвященных феномену добровольной бездетности ввиду, во-первых, относительно небольшого времени его существования, во-вторых, из-за его недавнего появления в России, а также отсутствия большого количества данных для изучения [34].

Значительная часть исследователей рассматривают феномен чайлдфри или добровольной бездетности как угрозу для демографической ситуации России [35-38], несмотря на то, что тенденции к сокращению числа детей и росту добровольной

бездетности наблюдаются во многих странах мира. В качестве решения данной проблемы предлагается, например, воздействие со стороны государства на репродуктивные планы населения посредством трансляции в обществе ценности семьи и детей через рекламу, СМИ.

Отмечается, что за последнее десятилетие приверженцы чайлдфри стали более политизированными, поскольку хотят заявлять о своем праве на выбор жизненной стратегии. Кроме того, они вынуждены бороться с давлением общества, которое может проявляться не только в социальном неодобрении выбора чайлдфри, но и предоставлении государственных льгот семьям с детьми или детских пособий, пропаганду семейных ценностей и т. д. [34]

Некоторые исследователи (Захаров С.В., Русанова Н.Е.) рассматривают мировую тенденцию чайлдфри как новую демографическую характеристику нашего времени [34, 39]. Осознанный отказ от рождения детей становится элементом современного репродуктивного поведения населения, что в свою очередь может повлиять на изменения количественных и структурных показателей. Эта тенденция соотносится и с рядом других изменений в области рождаемости, характерных для современного мира, таких как снижение рождаемости, увеличение доли внебрачных рождений и числа искусственных абортов. Либерализация семейных отношений, увеличение распространенности сожительств, описанные выше тенденции характеризуют «второй демографический переход». Фокус человека смещается на личное развитие, самореализацию, что находит выражение в изменении репродуктивных установок, ценности семьи и формировании её образа.

Исследование Кислова А.Г. и Шапко И.В. посвящено выявлению ценностных ориентиров студентов ряда вузов Свердловской области, а также их отношения к феномену чайлдфри. Для этого студентам необходимо было выбрать из 15-ти слов-характеристик ценностей пять, которые кажутся им наиболее важными. Среди набора слов встречались: самореализация, семья, здоровье, образование, дети и другие. Наиболее «важными» для студентов оказались семья, любовь, здоровье, дети и дружба [40]. Исследователи пришли к выводу, что фамилистские ценности играют важную роль для студентов. Только 5% студентов идентифицировали себя как чайлдфри, при этом не было выявлено какой-либо связи этого статуса с местом проживания, уровнем благосостояния или составом родительской семьи, но доля чайлдфри среди мужчин была больше. Студенты, заявившие о своей

приверженности чайлдфри, реже выбирали ценности, связанные с семьей (в т. ч. дети и любовь), отдавая свое предпочтение самореализации, дружбе, деньгам и т. д.

Также изучалось отношение студентов к чайлдфри как к жизненной стратегии. Половина студентов были некатегоричны в своих оценках, признавая право каждого выбирать собственную жизненную стратегию. Такие оценки были получены несмотря на то, что респонденты из этой группы в качестве основных ценностей выбирали семью, здоровье, любовь и детей. 26% опрошенных были максимально лояльны, а 24% – наиболее категорично настроенными к феномену чайлдфри [40]. Можно сказать, что большинство опрошенных студентов Свердловской области толерантно относятся к людям, выбирающим чайлдфри в качестве жизненной стратегии, при этом довольно немногочисленная группа (лишь 5%) сами позиционировали себя как чайлдфри. Авторы исследования полагают, что такие результаты свидетельствуют о высокой степени принятия молодыми людьми установок, отличающихся от их собственных. Но также результаты исследования могут сигнализировать о возможном росте распространения чайлдфри, а именно об избегании молодыми людьми родительских ролей, что может негативно сказаться на демографической ситуации.

2 Брачное и репродуктивное поведение поколения 1990-х годов рождения

Интерес к поколенческой проблематике и анализу репродуктивного поведения в привязке к поколениям высок в связи с радикальными общественными переменами, которые произошли на стыке 1980–1990 годов в России. Переломные исторические моменты приводят к слому жизненных целей и ценностей поколений [41]. В работах Б. Дубина [42], Т. Шанина [43] и других показано воздействие периода 1990-х на разные поколения. Однако фокус внимания там сосредоточен на поколениях, проживавших эти годы в том или ином возрасте, но не только что рожденном поколении.

Поколением в настоящей работе называется общность людей, рожденных в определенный исторический период, и объединенных схожими ценностями и чертами демографического поведения, сформированных под воздействием общих факторов (социальных, культурных, экономических и политических событий, технического прогресса). В классическом понимании длина поколения составляет около 25 лет, однако в связи с быстрой сменой условий жизни в конце XX века соседние 10-летние когорты стали значительно отличаться друг от друга в своем социальном, экономическом и демографическом поведении. Поэтому в настоящей работе мы рассматриваем поколения длиной в 10 лет. Дети, рожденные в 2000-х годах, также будут относиться к другому поколению, и отличаться от предыдущего своими ценностями и жизненным путем, условия их жизни на этапе взросления совершенно новые (цифровизация, рост благосостояния, глобальные изменения в принципах воспитания детей и т.д.).

Из предыдущих исследований известно, что во время крупных общественных изменений репродуктивное поведение от одного поколения к другому стремительно меняется [44]. Это связано с влиянием условий на старте материнства для разных поколений. Так, сравнивая когорты европейских женщин первой, второй половины 1970-х и 1980-х годов рождения, Т. Фрейка и Т. Соботка установили их высокие различия и, вследствие, принципиально разные модели репродуктивного поведения. Условия на старте материнской карьеры для когорт российских женщин от 1970-х до 2000-х годов рождения различались еще сильнее в связи с кардинальным общественным сломом, произошедшем в 1990-х годах.

В центре внимания настоящей работы находится поколение 1990-х годов рождения, однако мы рассматриваем его в сравнении с поколением 1980-х годов рождения. Внутри поколений для анализа матримониального и репродуктивного поведения выделяются 5-летние когорты. Выбор возрастных границ в социологии поколений представляет собой отдельную методическую задачу, однако для наших целей мы предпочли ее не решать и воспользоваться классическими границами, используемыми в демографическом анализе. Можно отметить, что по классической классификации выделяется «реформенное поколение» [44] или поколение X [45]. Это поколение появилось на свет в период застойного зрелого социализма, а во взрослую жизнь вступило в период горбачевской перестройки и последующих либеральных реформ (1985–1999 годы рождения). По этой же классификации поколение миллениалов (поколение Y) родилось в период реформ (1982–2000 годы), а их взросление в России происходило в относительно благополучный период. На наш взгляд, данный интервал слишком широк для целей анализа репродуктивного поведения.

Поколение 1990-х годов рождения демонстрирует поведенческие практики, образ жизни, отличные от населения более старших возрастов. Во-первых, это связано с тем, что они выросли без «советского багажа», не застав социалистический строй общества и присущие ему ценности. Во-вторых, в значительной степени это связано с освоением новых информационных технологий и, что не менее важно, технологий сетевого общения [46]. К ним можно также добавить получающие все большее распространение (пока в крупных городах) технологии шеринговой экономики. Это экономика совместного пользования товарами и услугами – автомобилями, прежде всего. К ней также относится и массовая популярность арендного жилья среди молодого поколения. В контексте репродуктивного поведения это важно во взаимосвязи уровня жизни и принятия решения о рождении ребенка. Само представление об уровне жизни в шеринговой экономике меняется. Можно не иметь достаточных доходов для владения недвижимостью или автомобилем, но не испытывать каких-либо депривaций из-за того, а значит это не должно служить поводом к откладыванию рождения ребенка (при прочих равных). Нельзя отрицать и более широкого, ценностного влияния шеринговой экономики: доходы, освобождаемые от накоплений на фундаментальные покупки, направляются не только на текущие нужды, но и на новые приоритетные направления трат. Для молодых поколений это непрерывное самообразование и путешествия. Они, в свою

очередь, создают довольно весомую таймингoвую конкуренцию рождению и воспитанию детей. Если в классической бэккеровской теории деторождение конкурировало с материальными благами, то сейчас эта конкуренция все больше и больше смещается в сферу нематериальную. Конкуренция обостряется в связи с изменением самого ее механизма: если раньше по мере накопления материальных благ она ослаблялась, то теперь по мере накопления жизненного опыта, связанного с путешествиями и самореализацией, она нередко только обостряется. Другими словами, в условиях доступности этих альтернатив деторождение становится все менее привлекательным выбором. На противоположной чаше весов находится так называемая «потребность в детях», которая может оставаться весьма высокой у отдельных социальных групп, но, как показывают исследования, на массовом уровне постепенно снижается. В-третьих, высокое вовлечение в глобальную повестку формирует у представителей молодого поколения новые ценности: например, среди них выше склонность к здоровому образу жизни, ниже уровни потребления алкоголя [44]. В-четвертых, как и любое другое поколение, миллениалы являются весьма разнородной социальной группой. Не стоит придавать слишком много значения общим социальным тенденциям, тогда как для репродуктивного поведения значимы не только черты сходства представителей одного поколения, но и черты различий. Как мы увидим ниже, есть основания полагать, что внутри молодого поколения формируются два социально-демографических кластера, принципиально отличающихся ценностными установками, образом жизни, репродуктивным поведением.

Западные исследования показывают, что молодое поколение чаще разделяет гендерно-эгалитарный подход к балансу семейных и профессиональных обязанностей, в том числе, это отмечается для стран с достаточно традиционным распределением ролей [47]. Недавняя работа, выполненная на данных опроса выпускников в США, показала, что последнее поколение молодых людей демонстрирует бóльшую открытость и гибкость к выбору различных сценариев своей профессиональной деятельности по сравнению с предыдущими поколениями [48]. Наконец, многие эксперты отмечают значительные отличия молодых людей в потребительском поведении. Они настолько высоки, что по мере перехода этого поколения в самые активные экономические возраста (30–40 лет) они могут оказать значительное влияние на изменение глобальной экономики [49].

Итак, обратимся к анализу демографического поведения исследуемого поколения.

2.1 Численность поколения и его жизненный путь

Численность поколения является довольно важной его характеристикой. Во-первых, на его основе рассчитываются нетто-коэффициенты замещения – показатель того, в какой мере новое поколение замещает поколение своих родителей. Во-вторых, численность поколения вкупе с ожидаемой продолжительностью жизни определяет его демографический потенциал. В-третьих, она влияет на уровень конкуренции внутри поколения в сфере образования (конкурс при поступлении) и занятости (конкуренция за рабочие места). Считается, что уровень экономической конкуренции тесно связан с экономическими притязаниями поколения, а они, в свою очередь, влияют на демографические события жизненного пути (создание семьи, рождение детей). В-четвертых, соотношение численностей соседних поколений существенным образом сказывается на социально-экономическом развитии государства. Резкие колебания численностей формируют перегрузку социальных систем и нарушают соотношение трудоспособного и нетрудоспособного населения.

Обстоятельства взросления и опыт социализации в возрасте 17–25 лет оказывают фундаментальное влияние на всю последующую взрослую жизнь индивида [44]. Вместе с тем, для исследования репродуктивного поведения не менее важен период всего детства. Наличие братьев и сестер, главенствующая модель семьи в социальном окружении, опыт развода родителей – все это оказывает значимое влияние на репродуктивные установки и их воплощение в собственной жизни.

Поколение, рожденное в 1990-х годах очень малочисленное *(рисунок 1)*. Совпало дно демографической волны, идущей от потерь населения в годы Великой Отечественной Войны, и падение рождений после распада СССР. Оно, в свою очередь, было обусловлено резким откладыванием деторождения из-за развернувшегося социально-экономического кризиса и изменением репродуктивных норм, определяющих возраст матери при рождении ребенка. Например, численность детей, рожденных в 1994 году, составила всего 55% от численности детей, рожденных в 1984 году.

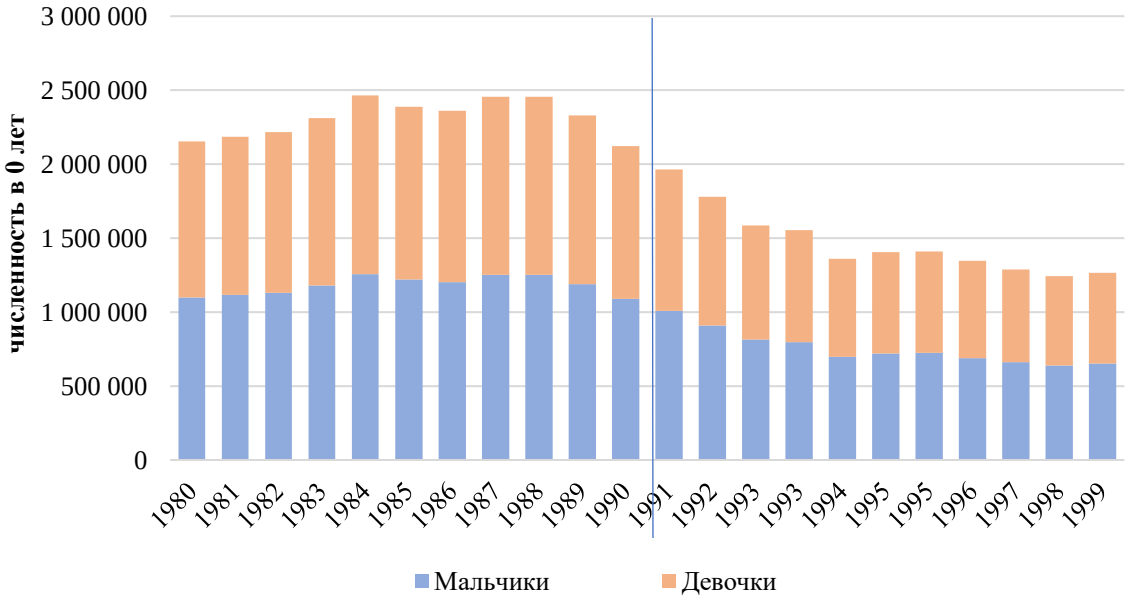

Рисунок 1. Численность мальчиков и девочек в первый год после рождения, 1980-1999 гг., человек

Источник: данные Росстата [50].

Для анализа репродуктивного поведения численность поколения имеет значение в контексте концепции «ловушка низкой рождаемости» [51]. В соответствии с ней низкое число рождений на протяжении нескольких лет (равно низкой численности поколения) влияет на репродуктивные нормы и поведение этого поколения. Механизм такого влияния обеспечен несколькими факторами. Во-первых, демографическая инерция приводит к низкому числу рождений в тот момент, когда поколение достигает репродуктивного возраста. Во-вторых, поколение растет и взрослеет в массово малодетном обществе, что сказывается на представлениях о желаемом числе детей в собственных семьях. В-третьих, как было отмечено выше, из-за низкой конкуренции формируются высокие экономические притязания и высокое место экономической независимости в иерархии потребностей, что нередко приводит к откладыванию решения о рождении детей. Авторы концепции рассматривали в качестве примера страны Восточной Азии, однако мы считаем ее вполне подходящей к описанию условий жизни российского поколения 1990-х г.р.

Жизненный путь поколения миллениалов проходил на фоне непростых социально-экономических событий в России *(таблица 1)*. Череда экономических кризисов, рост неопределенности будущего и неуверенности в завтрашнем дне (особенно в связи с беспрецедентной пандемией) приводит к массовому откладыванию решения о рождении ребенка на более позднее время. Курс на

стимулирование рождаемости, введенный в 2007 году, на это поколение оказал мало влияния. К тому моменту, когда оно вступило в активные репродуктивные возраста, меры поддержки рождаемости утратили силу своего воздействия. На момент написания настоящей работы еще не известны результаты введения новой крупной меры поддержки рождаемости – материнского капитала на первого ребенка. Однако исследователи не ожидают от нее большого эффекта, ни количественного, ни таймингового.

Таблица 1

Социально-экономический событийный ряд в период взросления поколения 1990-1999 г.р.

Год	Социально-экономическая канва	Возраст, лет
1990-1994	Распад СССР, либерализация и «шоковая терапия» в экономике	0-4
1995-1999	Экономическая рецессия, социальное напряжение, кризис 1998 года	0-10
2000-2008	Крупномасштабные общественные и экономические реформы, экономический рост	1-18
2007	Курс на пронаталистскую политику	8-17
2008-2009	Мировой финансовый кризис	9-19
2010-2014	Восстановительный экономический рост, стагнация	11-24
2014	Присоединение Крыма, введение санкций, падений цен на нефть, девальвация рубля	15-24
2015-2019	Экономическая рецессия	16-29
2020	Введение материнского капитала на первого ребенка	21-30
2020-2021	Пандемия коронавируса и ее экономические последствия	21-31

Источник: составлено авторами

В целом мы наблюдаем неблагоприятные в контексте репродуктивного поведения внешние обстоятельства жизни поколения миллениалов в России.

2.2 Матримониальное поведение: от пробных браков к последовательностям союзов?

Брачно-партнерское поведение долгое время являлось ключевым фактором поведения репродуктивного. В настоящее время их тесная связь ослабла, а порой и вовсе поменяла направление от прямого к обратному [52], однако и теперь обстоятельства в брачно-партнерской сфере жизни оказывают значительное влияние на индивидуальные репродуктивные биографии.

В череде российских поколений непрерывно меняется матримониальное поведение. Поколение 1970-х г.р. дало старт росту разводимости, легитимизации и массовому распространению повторных браков. В когортах 1980-х г.р. исследователи отмечали переход к модели пробных добрачных союзов, которые

носили незарегистрированный характер. Для поколения миллениалов отмечается явление формирования последовательностей союзов (далее SC, «serial cohabitation»). Последовательности союзов — это серии из не менее чем трех-четырех партнерств (незарегистрированных браков) средней продолжительности (от полугода до 5 лет) [53]. Мужчины и женщины в таких партнерствах реже, чем в однократных сожительствах, имеют брачные намерения [54] и чаще завершают отношения, нежели вступают в брак [55].

До недавнего времени в отношении SC отмечались те же характеристики, что и когда-то для незарегистрированных партнерств в целом: их распространение среди депривированных категорий населения (низкий уровень жизни, низкие шансы на брачном рынке, высокие риски распада союзов). Однако постепенно феномен перемещается к так называемым форвардам модернизации: населению крупных городов с высоким уровнем образования и занятостью в современных областях [56].

Для исследования последовательностей союзов требуются детальные данные партнерских биографий на индивидуальном уровне. К сожалению, последний российский опрос, располагающий подобными данными, проводился достаточно давно и не может служить для анализа поколения миллениалов (речь об опросе «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» 2004, 2007 и 2011 годов). В связи с этим для демонстрации данного феномена мы обратимся к обзору западных исследований. В развитых странах одномоментные срезы опросов показывают, что в молодых поколениях незарегистрированные браки полноправно заняли место браков [57-58].

Исследований, посвященных феномену SC не так много, в основном они выполнены по Соединенным Штатам [59]. К. Эйскмайер и У. Маннинг отмечают, что в США рост среднего возраста вступления в брак непрерывно повышается на фоне стабильного возраста вступления в сожительства [53]. Этот тренд дает пространство для феномена формирования последовательностей союзов («serial cohabitation»). Авторы измеряют риск вступления в SC для тех, кто завершил первый незарегистрированный брак его распадом.

В исследовании, сделанном на данных Западной Германии, оцениваются риски вступления в SC для поколения 1970-х годов рождения (к сожалению, более поздние когорты не затронуты в связи с тем, что биографии анализируются вплоть до завершения репродуктивного возраста, [60]). Авторы Н. Хикель и Б. Фюльда отмечают, что в этом поколении большинство индивидов имело опыт только одного

незарегистрированного союза, а незначительное меньшинство – последовательности союзов. В связи с этим они предлагают продолжать использовать термин «повторные союзы» вместо «последовательности союзов» для старших поколений в силу отсутствия массового распространения последних. Вместе с тем они указывают на то, что распространение SC это текущий процесс, и для молодых поколений доля индивидов с опытом последовательности союзов ожидается намного более высокой.

Распространение практики последовательностей незарегистрированных браков ассоциируется со снижением рождаемости. Исследования подтверждают, что жизненный путь индивидов, в котором наблюдаются SC, чаще завершается бездетностью по сравнению с другими партнерскими биографиями ([61] по Финляндии; [62] по Норвегии).

Из предыдущего наблюдения можно сделать еще один важный вывод. Исследование феномена SC напрямую связано с развитием методического аппарата концепции анализа жизненного пути. Оно невозможно без детальных данных о партнерских биографиях (как минимум, необходимо знать тип каждого союза, время его начала и расторжения или перехода в статус брака) и применения соответствующих методов анализа данных. В современной демографической науке принятие решения о рождении каждого ребенка также рассматривается в концептуальной плоскости анализа жизненного пути – в неотъемлемой тайминговой связи с матримониальными и иными биографиями.

Как было отмечено выше, мы не располагаем соответствующими данными. Однако следует хотя бы бросить взгляд на свежие данные о характеристиках партнерских союзов в молодых поколениях. Во-первых, какова доля незарегистрированных браков в актуальных союзах? Из *таблицы 2* видно, что среди представителей поколения 1990-х годов рождения незарегистрированные союзы составляют треть всех текущих партнерств, тогда как в остальных поколениях (включая 1980 г.р.) намного меньше (15–18%). Вместе с тем, доля респондентов, состоящих в браке и имеющих при этом опыт проживания в незарегистрированном союзе, одинакова для представителей поколения 1980-х и 1990-х г.р., и составляет 36–38%. Косвенно это свидетельствует о том, что в молодом поколении первым союзом все чаще становится незарегистрированное партнерство.

Таблица 2

Статус партнерского союза и опыт незарегистрированных браков в разрезе поколений, % по строке

	Вы состоите с вашим	Приходилось ли Вам когда-либо

	супругом/партнером в зарегистрированном браке?			жить с партнером, с которым(ой) Вы не состояли в браке, не менее 3 месяцев?		
	Да	Нет	З/о	Да	Нет	З/о
Поколение 1990-х г.р.	66,4	33,6	0,0	36,4	63,4	0,2
Поколение 1980-х г.р.	82,0	18,0	0,0	38,3	61,0	0,7
Все остальные поколения	84,9	15,0	0,0	23,8	75,4	0,7

Источник: расчеты авторов на данных «Человек, семья, общество» 2020 года.

Отдельно отметим, что указанная тенденция еще сильнее проявляет себя в крупнейших городах России *(таблица 3)*. Среди представителей поколения 1990-х г.р., проживающих в Москве и Санкт-Петербурге, уже более половины имеющих партнера состоят с ним в незарегистрированном браке. Среди представителей поколения 1980-х г.р. распространение сожительств в крупнейших городах находится на среднероссийском уровне (17%).

Таблица 3

Статус партнерского союза для жителей Москвы и Санкт-Петербурга в разрезе поколений, % по строке

	Да	Нет	З/о
Поколение 1990-х г.р.	45,8	54,2	0,0
Поколение 1980-х г.р.	83,4	16,6	0,0
Все остальные поколения	85,2	14,8	0,0

Источник: расчеты авторов на данных «Человек, семья, общество» 2020 года.

На текущий момент мы можем фиксировать только косвенные признаки глобальных подвижек в брачно-партнерском поведении российских представителей поколения 1990-х годов рождения. Мы предполагаем, что они все меньше будут склонны регистрировать браки и будут отличаться достаточно массовым распространением практики последовательных незарегистрированных союзов на протяжении своей жизни. Прежде всего, эти признаки станут заметны среди жителей крупнейших городов, имеющих высокое образование.

2.3 Репродуктивное поведение поколения 1990-х г.р.

В настоящее время распространение современных контрацептивных практик столь велико, что оно глобально изменило сферу принятия репродуктивных решений. В молодых поколениях решение о рождении первого ребенка – это решение о прекращении использования контрацепции, распространение «случайных» беременностей стремительно снижается. Это означает, что на когнитивном уровне событие зачатия ребенка перешло из сферы «случившегося с

индивидом» в сферу «инициированного индивидом», другими словами, оно стало тесно связанным с рефлексией на тему «быть готовым(ой)». Эта рефлексия включает в себя не только достижение экономической независимости и вступление в прочные партнерские отношения, но и индивидуальное ощущение себя как достаточно зрелого и готового предоставить ребенку время, внимание и хорошие условия жизни [63-64]. Именно последнее условие в современном обществе становится преградой к принятию решения о рождении ребенка, и касается оно преимущественно рождения первенцев. В молодом поколении мужчины и женщины погружаются в эту рефлексию на продолжительное время, откладывая рождение детей все дальше. «Ребенок означает зависимость и ответственность в обществе, где независимость и самореализация ценятся чрезвычайно высоко, и так рождение ребенка становится несовременным» [63, с. 102]. Вместе с тем большинство молодых людей продолжают относить родительство к базовым ценностям жизни, однако стремятся отложить вступление на этот путь из-за желания пользоваться «неограниченной свободой одинокой жизни в течение довольно длительного времени» [64-65]. Это укладывается в общие тенденции удлинения периода юности, наполненной поисками себя и образованием.

Как отмечалось нами в самом начале, экономическая и экзистенциальная неопределенность, сопровождающая пандемию COVID-19, вероятно, снизит уровень рождаемости в развитых странах. Пандемия предстает аллегорией образа жизни молодого поколения: «мы изолированы в своем жилье и спрятавшись за экранами наблюдаем, как разворачивается глобальная катастрофа» [66].

Вместе с тем влияние пандемии на репродуктивное поведение молодого поколения за пределами краткосрочного периода будет более сложным и неоднозначным: 2020 год показал, как могут сократиться возможности наслаждаться «неограниченной свободой одинокой жизни». Кроме того, уже появляются свидетельства того, что эпидемиологический кризис привел к росту религиозности в обществе [67], а она является одним из самых мощных позитивных факторов рождаемости [68].

Одним из самых серьезных факторов влияния на рождаемость становится ограничение социальных контактов и усугубляющийся переход общения в онлайн.

Обратимся теперь к анализу данных о накоплении первых рождений в поколении российских женщин 1990-х годов рождения *(рисунок 2)*. Такое графическое представление данных позволяет анализировать поведение когорт, чьи

репродуктивные истории еще не завершены. Чем круче наклон кривой, тем интенсивнее набираются первые рождения.

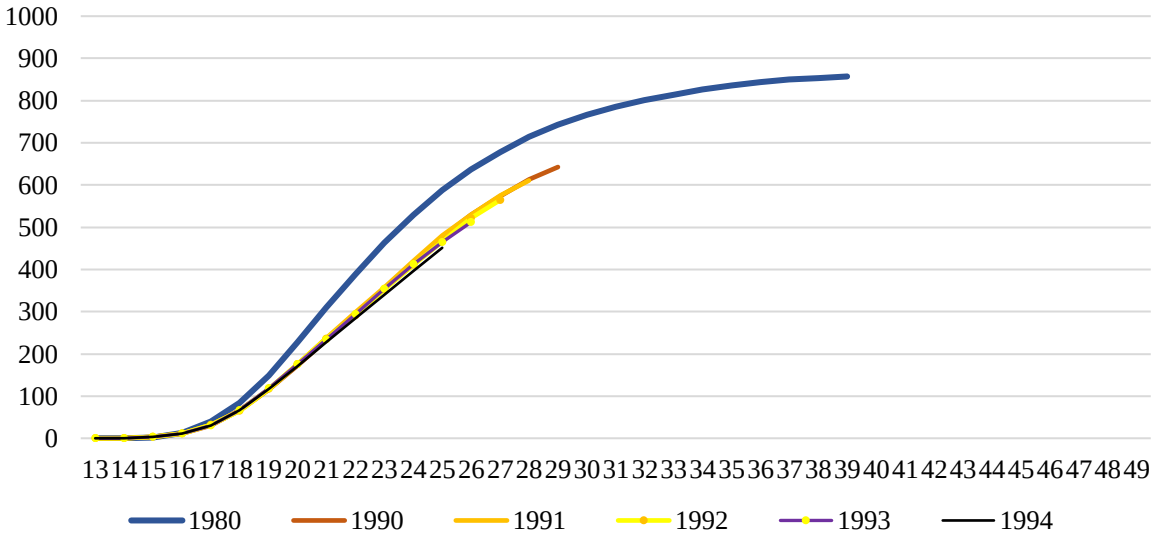

Рисунок 2. Кумулятивные возрастные коэффициенты по первым рождениям для женщин 1970-1994 г.р., на 1000 женщин

Источник: до 2014 года: данные the Human fertility database, 2015–2019: расчеты авторов на данных о Естественном движении населения Росстата.

В когорте 1980-х г.р. старт рождаемости замедляется, а наверстывание является довольно «эффективным», хотя итогового уровня предыдущих когорт не достигает. Когорты 1990–1994 г.р. идут очень плотно, наслаиваясь на графике одна на другую. Они явно демонстрируют отложенный старт материнства: к 29 годам (последняя точка наблюдения) только 64% женщин из когорты 1990 г.р. родили своего первого ребенка. Другими словами, уже около трети представительниц молодого поколения отложат рождение первенца за 30-летний рубеж. В поколении их родителей к этому возрасту родили первенца более 85% женщин.

Другой наглядный способ накопления первых рождений представлен на *рисунке 3*, для которого использован метод сравнения с референтной когортой («benchmark cohort»). Периодом относительного «откладывания» называют возрастной интервал до точки «дна», «наверстыванием» – после. Для целей данной работы в качестве референтной выбрана когорта 1980 г.р. Видно, что для когорты 1985 г.р. точка «дна» была на возрасте 23 года, а к когорте 1990 г.р. она съехала к 24 годам и продолжает двигаться. Весь период «наверстывания» этим когортам еще предстоит, и пока невозможно судить о его эффективности. В связи с молодостью когорт мы пока не видим возможности анализировать данные о втором и последующем рождениях.

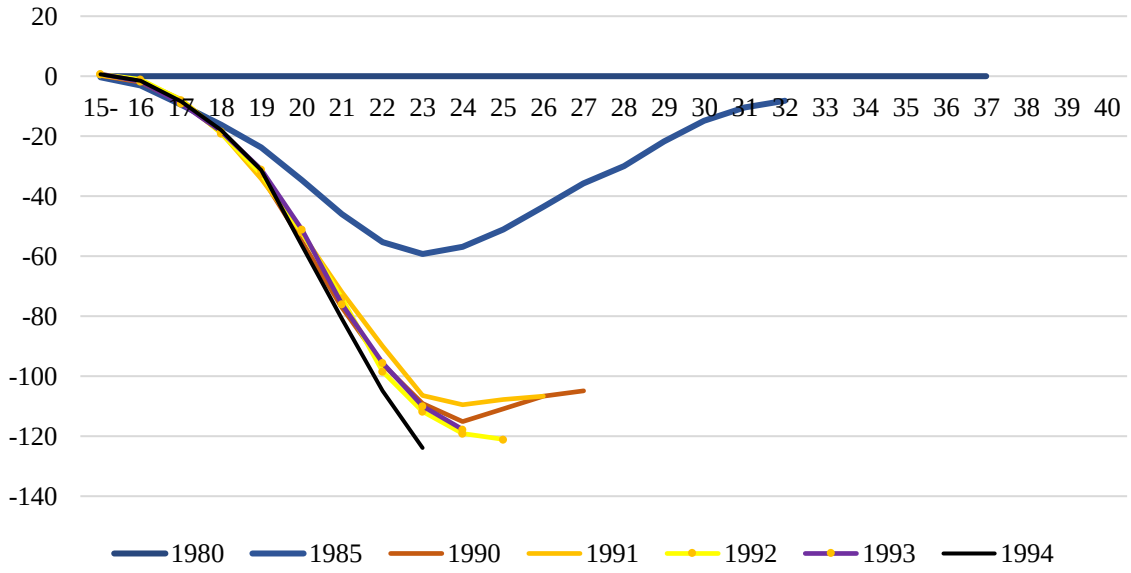

Рисунок 3. Отличия значений возрастных кумулятивных коэффициентов по первым рождениям для женщин поколений 1980–1994 г.р., % от значений для поколения 1980 г.р.

Источник: до 2014 года: данные the Human fertility database, 2015–2019: расчеты автора на данных о Естественном движении населения Росстата.

Последняя из имеющихся волн опроса населения «Человек, семья, общество» (ЧСО) была проведена весной 2020 года в период первой волны пандемии COVID-19. Обратимся к анализу этих микроданных. Они позволяют дополнить знания о фактической рождаемости в поколениях их репродуктивными установками *(таблица 4)*. Среди бездетных представителей поколения 1990-х г.р. значимо выше установки на нежелание иметь детей в будущем, чем в поколении 1980-х г.р. Однако здесь мы наблюдаем смешанный эффект – и поколения, и возраста. Среди представителей поколения 1980-х г.р. с одним ребенком чаще встречаются установки на однодетные семьи. Несколько выше в самом молодом поколении установки и на многодетные семьи. Косвенно полученные результаты могут свидетельствовать о повешении гетерогенности репродуктивных установок в молодом поколении.

Таблица 4

Желаемое число детей среди мужчин и женщин поколений 1980-х и 1990-х г.р. в разрезе числа уже имеющихся детей, % по столбцу

			1990–1999 г.р.		1980-1989 г.р.	
			Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Число уже рожденных детей	нет детей	без детей	22,7	21,8	13,9	18,0
		1 ребенок	4,8	8,5	8,8	17,1
		2 детей	41,5	49,3	47,0	45,2
		3 детей и более	31,0	20,4	30,3	19,6

			1990–1999 г.р.		1980-1989 г.р.	
			Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
	1 ребенок	без детей	-	-	-	-
		1 ребенок	19,6	29,9	32,4	43,4
		2 детей	28,9	39,7	21,7	31,5
		3 детей и более	51,5	30,4	45,9	25,1
	2 детей	без детей	-	-	-	-
		1 ребенок	2,3	3,0	4,0	6,1
		2 детей	37,5	51,9	51,3	67,6
		3 детей и более	60,1	45,1	44,7	26,3
	3 и более	без детей	-	-	-	-
		1 ребенок	5,1	7,2	1,8	1,1
		2 детей	0,0	0,0	3,3	1,3
		3 детей и более	94,9	92,8	94,9	97,6

Источник: расчеты авторов на данных ЧСО 2020 года.

Отдельные показатели из опросов «Человек, семья, общество» (ЧСО, 2020 гг.) и «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ, 2011 гг.) могут быть сопоставлены, поэтому мы попробуем сравнить эти оценки для респондентов разных поколений на тот момент, когда они были в одном возрасте.

В опросе РиДМиЖ содержался вопрос о лояльности к бездетности. К сожалению, его формулировка значительно отличалась от подобного вопроса в ЧСО, поэтому мы можем только косвенно оценить произошедший сдвиг в этой сфере *(таблица 5)*. В 2011 году представители поколения 1980-х г.р., которым на тот момент было примерно от 20 до 30 лет, в значительном большинстве (70-80%) поддерживали утверждение о том, что для полной самореализации человеку необходимы дети. В 2020 году представители поколения 1990-х г.р. в том же возрасте в половине случаев были согласны с утверждением «Это нормально, когда человек решает никогда не иметь детей». При этом в 2020 году представители поколения 1980-х годов поддерживали это утверждение значительно реже (только 37% среди женщин). Подобные результаты косвенно свидетельствуют в пользу не только возрастных, но и поколенческих различий в лояльности к бездетности.

Таблица 5

Распределения ответов на вопрос о лояльности к бездетности в разрезе пола и поколений, % по столбцу

	РиДМиЖ-2011			
	Мужчины	Женщины		

		1980–1989 г.р. (22–31 год на момент опроса)			
Для полной самореализации у женщины должны быть дети	Скорее согласен	79,3	80,0		
	Скорее не согласен	5,8	7,4		
	И да, и нет	14,8	12,7		
Для полной самореализации у мужчины должны быть дети	Скорее согласен	75,0	69,7		
	Скорее не согласен	8,0	10,7		
	И да, и нет	16,9	19,2		
		ЧСО-2020			
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
		1990–1999 г.р. (21–30 лет на момент опроса)		1980–1989 г.р.(31–40 лет на момент опроса)	
Это нормально, когда человек решает никогда не иметь детей	Скорее согласен	50,8	55,8	45,7	36,9
	Скорее не согласен	45,0	40,2	50,1	56,6
	Затрудняюсь ответить	4,2	4,0	4,2	6,5

Источник: расчеты авторов на данных ЧСО 2020 года, РиДМиЖ 2011 года.

Еще один вопрос, который содержится в обоих опросах, это отношение к абортам. Несмотря на идентичные формулировки самого опроса мы не можем сопоставлять результаты буквально из-за разницы в формулировке ответов на вопрос, а именно в наличии варианта ответа «и да, и нет» в опросе 2011 года *(таблица 6)*. Он оттягивал на себя почти 30% всех ответов. Поддерживали утверждение об ограничении абортов 39% женщин и 48% мужчин из поколения 1980-х г.р. в 2011 году. В 2020 году 53–55% представителей поколения 1990-х г.р. его поддерживали, но рост здесь обеспечен переходом из варианта ответа «и да, и нет», что не может быть интерпретировано содержательно.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос-согласие с утверждением «Аборты без медицинских показаний должны быть сильно ограничены или запрещены законодательно» в разрезе пола и когорты, % по столбцу

	РиДМиЖ-2011			
	Мужчины	Женщины		
	1980–1989 г.р. (22-31 год на момент опроса)			
Скорее согласен	47,8	38,8		
Скорее не согласен	22,2	32,5		
И да, и нет	28,4	27,6		
Затрудняюсь ответить	1,5	1,1		
	ЧСО-2020			
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
	1990–1999 (21-30 лет на момент опроса)		1980–1989 (31-40 лет на момент опроса)	
Скорее согласен	55,6	53,0	59,2	48,7

Скорее не согласен	36,1	42,3	31,9	44,8
Затрудняюсь ответить	8,2	4,7	8,9	6,5

Источник: расчеты авторов на данных ЧСО 2020 года, РиДМиЖ 2011 года.

Заключение

За последние десятилетия феномен чайлдфри или добровольной бездетности укрепился в качестве новой жизненной стратегии и одного из вариантов репродуктивных планов населения. Исследования, затрагивающие эту сферу, во многом посвящены выявлению причин выбора такой стратегии, среди которых выделяются различные социально-экономические факторы – уровень развития страны и бедности населения, уровень образования и дохода, упущенная возможность деторождения и др. При этом причины бездетности различаются между женщинами и мужчинами. Что же касается отечественных исследований, то значительная часть из них направлена на выявление общественного отношения к добровольной бездетности, при этом многие авторы рассматривают добровольную бездетность как угрозу для демографической ситуации в России.

Возвращаясь к вопросу о перспективах бездетности в России, следует отметить, что вполне вероятным видится увеличение числа добровольно бездетных людей. Это соотносится со следующими тенденциями, наблюдающимися в настоящее время в ряде стран: снижение численности брачных союзов, активное участие женщин на рынке труда и др. Особенно сильную роль играет нестабильная экономическая ситуация в стране, поскольку одним из определяющих факторов репродуктивных намерений населения является именно стабильная экономическая обстановка, благоприятная для рождения детей. Кроме того, важно учитывать тенденцию к увеличению возраста рождения первого ребенка и в целом к откладыванию деторождения, поскольку зачастую причиной, по которой пара остается бездетной, является ошибочная оценка своих репродуктивных возможностей.

Как показывают исследования, если раньше добровольная бездетность была более характерна для определенных социальных групп (например, для высокообразованных женщин), то в настоящее время она распространилась и на более широкие слои населения. Причинами добровольной бездетности могут стать как социальные, экономические, так и личностные факторы. Часть населения осознанно выбирает чайлдфри или добровольную бездетность в качестве жизненной стратегии. Некоторые пары остаются бездетными в силу недоступности вспомогательных репродуктивных технологий или по причине слишком долгого

откладывания деторождения. Эти группы населения хотят и потенциально могут завести детей, поэтому, если государство заинтересовано сохранить и реализовать возможный дополнительный прирост рождений, необходимо оказывать помощь указанным группам в реализации репродуктивного потенциала.

В отношении самого молодого поколения можно сделать несколько выводов. Среди его представителей наблюдается увеличение разнообразия моделей матримониального и репродуктивного поведения. Так, будут сосуществовать прежние модели с относительно ранними браками и ранним рождением ребенка в одних социальных группах и модели с очень поздним деторождением, не привязанным к браку – в других. Оно значимо отличается по ценностным установкам от представителей предыдущих поколений, и эти установки будут оказывать влияние на весь его жизненный путь. Внешние обстоятельства молодости этого поколения нельзя назвать удачными – череда экономических кризисов, беспрецедентная пандемия – и в краткосрочном периоде уровни рождаемости в нем будут низкими. В настоящее время сложно прогнозировать, сколь успешным будет наверстывание отложенных в эти годы рождений. Возможно, для поддержки рождаемости в поколении 1990-х г.р. требуются принципиально новые меры демографической политики.

Благодарности

Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Список источников

1. Rotkirch A. et al. The wish for a child//Vienna Yearbook of Population Research. – 2020. – T. 18. – P. 1-13.

2. Höpflinger F. Neue Kinderlosigkeit. Demographische trends und gesellschaftliche Spekulationen//Acta Demographica. – 1991. – Vol. 1. – P. 81–100.

3. Veevers J. E. Voluntary childlessness: A review of issues and evidence//Marriage and Family Review. – 1979. – Vol. 2. – P. 1–24.

4. Kelly M. Women’s voluntary childlessness: A radical rejection of motherhood?//Women’s Studies Quarterly. – 2009. – Vol. 3. – P. 157–172.

5. Somers M. D. A comparison of voluntarily childfree adults and parents//Journal of Marriage and the Family. – 1993. – Vol. 55. – P. 643–650.

6. Noordhuizen S., de Graaf P., Sieben I. The public acceptance of voluntary childless-ness in the Netherlands: From 20 to 90 per cent in 30 years//Social Indicators Research. – 2010. – Vol. 99. – P. 163–181.

7. Leridon H. Sterility and subfecundity from silence to impatience?//Population. – Vol. 4. – P. 35–54.

8. Toulemon L. Combien d'enfants, combien de frères et sœurs depuis cent ans?//Population and Societies/INED. – 2001. – Numéro 374. – P. 1-4.

9. Veevers, J. E. Childless by choice. – Toronto: Butterworth, 1980. – 220 p.

10. Исупова О.Г. «Чайлдфри», или добровольная бездетность. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php (дата обращения 2021.02.05).

11. Chancey L., Dumais S. A. Voluntary childlessness in marriage and family textbooks, 1950-2000//Journal of Family History. – Vol. 34, Issue 2. – 2009. – P. 206-223.

12. González M.J., Jurado-Guerrero T. Remaining childless in affluent economies: a comparison of France, West Germany, Italy, and Spain, 1994–2001//European Journal of Population. – 2006. – Vol. 22. – P. 317–352.

13. Baudin T., de la Croix D., Gobbi P. E. Fertility and Childlessness in the United States//American Economic Review. – 2015. – Vol. 105, No. 6. – P. 1852-1882.

14. Gobbi P.E. A model of voluntary childlessness//Journal of Population Economics. – 2013. – Vol. 26. – P. 963–982.

15. Jones L., Manuelli R., McGrattan E. Why are married women working so much?//Journal of Demographic Economics. – 2015. – Vol. 81, Issue 1. – P.75-114.

16. Toulemon L. Très Peu De Couples Restent Volontairement sans Enfant//Population (French Edition). – 1995. – Vol. 50, No. 4/5. – P. 1079–1109.

17. Schytt E., Nilsen A.B.V., Bernhardt E. Still childless at the age of 28 to 40 years: A cross-sectional study of Swedish women's and men's reproductive intentions//Sexual & Reproductive Healthcare. – 2014. – Vol. 5, Issue 1. – P. 23-29.

18. McFalls J. A. Frustrated Fertility: A Population Paradox//Population Bulletin. – 1979. – Vol. 34, Issue 2. – P. 3–43.

19. Baudin T., de la Croix D., Gobbi P. Endogenous Childlessness and Stages of Development//Journal of the European Economic Association. – 2020. – Vol. 18, Issue 1. – P. 83–133.

20. Keizer R., Dykstra P., Jansen M. Pathways into Childlessness: Evidence of Gendered Life Course Dynamics//Journal of Biosocial Science. – 2008. – Vol. 40, Issue 6. – P. 872.

21. Keizer R., Dykstra P. A., Poortman A-R. Life Outcomes of Childless Men and Fathers//European Sociological Review. – 2010. – Vol. 26, Issue 1. – P. 1–15.

22. Gillespie R. Voluntary childlessness in the United Kingdom//Reproductive Health Matters. – 1999. – Vol. 7, Issue 13. – P. 43-53.

23. Sobotka T. Childlessness in Europe: Reconstructing Long-Term Trends Among Women Born in 1900–1972/in: Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences. A Series of the Max Planck Institute for Demographic Research. – 2017. – P. 17-53.

24. Morgan S. P. Late nineteenth and early twentieth century childlessness//The American Journal of Sociology. – 1991. – Vol. 97. – P. 779–807.

25. Abma J. C., Martinez G. M. Childlessness among older women in the United States: Trends and profiles//Journal of Marriage and Family. – 2006. – Vol. 68. – P. 1045–1056.

26. Tanturri M. L., Mencarini L. Childless or childfree? Paths to voluntary childlessness in Italy//Population and Development Review. – 2008. – Vol. 34. – P. 51–77.

27. Baum F., Cope D. Some characteristics of intentionally childless wives in Britain//Journal of Biosocial Science. – 1980. – Vol. 12, Issue 3. P. 287-300.

28. Köppen K., Mazuy M., Toulemon L. Childlessness in France/in: Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences. A Series of the Max Planck Institute for Demographic Research. – 2017. – P.77-95.

29. Debest C., Mazuy M., l'équipe de l'enquête Fecond Rester sans enfant: un choix de vie à contre-courant//Population & Societies. – 2014. – Numéro 508. – P. 1-4.

30. Oppenheimer V. K. A theory of marriage timing//American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – P. 563–591.

31. Mills M., Blossfeld H.-P. Globalization, uncertainty and changes in early life courses//Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. – 2003. – Vol. 6. – P. 188–218.

32. Pailhé A., Solaz A. The influence of employment uncertainty on childbearing in France: A tempo or quantum effect?//Demographic Research. – 2012. – Vol. 26. – P. 1–40.

33. Houseknecht S.K. Reference Group Support for Voluntary Childlessness: Evidence for Conformity//Journal of Marriage and Family. – 1977. – Vol. 39, No. 2. – P. 285-292.

34. Русанова Н.Е. Новые тенденции рождаемости в России. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0353/analit02.php#_FNR_2 дата обращения (2021.02.09).

35. Новоселова Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России//Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. – 2012. - №1. – С. 99–110.

36. Гараева Э. И., Костина Н. Б. Добровольная бездетность: действенны ли пронаталистские меры профилактики?//Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития. Сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х томах. Институт экономики УрО РАН. – 2018. – С.117-122.

37. Романова И.В., Жанбаз О.О. Чайлдфри в контексте трансформации семейных отношений//Вестник ЗабГУ. – 2014. - №12 (115). – С. 89–97.

38. Большунова Т.В. Феномен чайлдфри: макросоциологичесаий анализ//Вестник университета. – 2018. - №4. – С. 145–149.

39. Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход. – URL: https://strana-oz.ru/2005/3/perspektivy-rozhdaemosti-v-rossii-vtoroy-demograficheskiy-perehod дата обращения (2021.02.09).

40. Кислов А.Г., Шапко И.В. Отношение студенческой молодежи Сверловской области к феномену чайлдфри//Научный диалог. – 2016. - №2 (50). – С. 362-373.

41. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями//Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. – С. 322-361.

42. Дубин Б. В. Старшие и младшие: Три поколения на переходе (По материалам вопросов Всероссийского центра изучения общественного мнение ВЦИОМ)//Дружба народов. – 1994. – №. 2. – С. 159-170.

43. Шанин Т. История поколений и поколенческая история России//Южно-российский журнал социальных наук. – 2005. – №. 3. – С. 6-25.

44. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ//Социологические исследования. – 2018. – №. 3. – С. 15-33.

45. Howe N., Strauss W. Millennials rising: The next great generation//Vintage, 2000. – 432 p.

46. Bennett S., Maton K., Kervin L. The ‘digital natives’ debate: A critical review of the evidence//British journal of educational technology. – 2008. – Vol. 39. – No. 5. – P. 775-786.

47. Gietel-Basten S. et al. “Catching up with ‘compressed modernity”’-How the values of Millennials and Gen-Z’ers could reframe gender equity and demographic systems//Vienna Yearbook of Population Research. – 2020. – Vol. 18. – P. 1-4.

48. Dernberger B. N., Pepin J. R. Gender Flexibility, but Not Equality: Young Adults' Division of Labor Preferences//Sociological Science. – 2020. – Vol. 7. – P. 36-56.

49. Kurz C. J., Li G., Vine D. J. Are millennials different?//Handbook of US Consumer Economics. – Academic Press, 2019. – P. 193-232.

50. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения 2021.10.15).

51. Lutz W. Has Korea's fertility reached the bottom? The hypothesis of a ‘low fertility trap’in parts of Europe and East Asia//Asian Population Studies. – 2008. – Vol. 4. – №. 1. – P. 1-4.

52. Бирюкова С. С., Тындик А. О. Регистрация брака и рождение ребенка в биографии россиян: анализ данных текущей статистики//Демографическое обозрение. – 2014. – Т. 1. – №. 3 (3).

53. Eickmeyer K. J., Manning W. D. Serial cohabitation in young adulthood: Baby boomers to millennials//Journal of Marriage and Family. – 2018. – Vol. 80. – No. 4. – P. 826-840.

54. Brown S. L., Manning W. D., Payne K. K. Family structure and children’s economic well-being: Incorporating same-sex cohabiting mother families//Population Research and Policy Review. – 2016. – Vol. 35. – No. 1. – P. 1-21.

55. Guzzo K. B. Trends in cohabitation outcomes: Compositional changes and engagement among never-married young adults//Journal of Marriage and Family. – 2014. – Vol. 76. – No. 4. – P. 826-842.

56. Dommermuth L., Wiik K. A. First, second or third time around? The number of co-residential relationships among young Norwegians//Young. – 2014. – Vol. 22. – No. 4. – P. 323-343.

57. Anderson L. R., Payne K. K. Median age at first marriage, 2014 (Family Profiles FP-16-07). – URL: https://www.bgsu.edu/content/dam/BGSU/college-of-arts-and-sciences/NCFMR/documents/FP/anderson-payne-median-age-first-marriage-fp-16-07.pdf (дата обращения 2021.03.01).

58. Hiekel N., Liefbroer A. C., Poortman A. R. Understanding diversity in the meaning of cohabitation across Europe//European Journal of Population. – 2014. – Vol. 30. – No. 4. – P. 391-410.

59. Bukodi E. Serial cohabitation among men in Britain: Does work history matter?//European Journal of Population/Revue Européenne de Démographie. – 2012. – Vol. 28. – No. 4. – P. 441-466.

60. Hiekel N., Fulda B. E. Love. Break up. Repeat: The prevalence and stability of serial cohabitation among West German women and men born in the early 1970s//Demographic Research. – 2018. – Vol. 39. – P. 855-870.

61. Jalovaara M., Fasang A. E. From never partnered to serial cohabitors: Union trajectories to childlessness//Demographic Research. – 2017. – Vol. 36. – P. 1703-1720.

62. Hart R. K. Union histories of dissolution: What can they say about childlessness?//European Journal of Population. – 2019. – Vol. 35 (1). – P. 101-131.

63. Bernhardt E., Bergnerh D. The non-modern child? Ambivalence about parenthood among young adults/In The social meaning of children and fertility change in Europe, eds Ellingsaeter A.-L., Jensen A.-M., Lie M.//London: Routledge, 2013. – P. 102–119.

64. Rotkirch A., Miettinen A. Childlessness in Finland/In Childlessness in Europe: contexts, causes and consequences, eds Kreyenfeld M., Konietzka D.//Lontoo: Springer, 2017. – P. 139–158.

65. Rotkirch A. et al. The wish for a child//Vienna Yearbook of Population Research. – 2020. – Vol. 18. – P. 1-13.

66. Marche S. Covid-19 proves it: Unity is the only remedy for 21st century global crises. – URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/23/coronavirus-unity-global-crisis-generation-x (дата обращения 2021.03.15).

67. Gecewicz C. Few Americans say their house of worship is open, but a quarter say their faith has grown amid pandemic. – URL: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/04/30/few-americans-say-their-house-of-worship-is-open-but-a-quarter-say-their-religious-faith-has-grown-amid-pandemic/ (дата обращения 2021.03.16).

68. Philipov D., Berghammer C. 2007. Religion and fertility ideals, intentions and behaviour: A comparative study of European countries//Vienna Yearbook of Population Research. – 2007. – Vol. 5. – P. 271–305.